

От редакции.

Уважаемые читатели! Год назад в журнале “Жемчужина” № 78 произошло досадное недоразумение: в редакцию - через 3-е лицо - передали рассказ “Анчоус” за подписью автора - “Г. Прогова”. Думается, каждый понимает, что почти ни одна редакция не имеет возможности проверять материал на чистоту авторских прав. И вот, год спустя, в редакцию приходит письмо следующего содержания...

“Добрый день. Меня зовут Татьяна Пахоменко, я писатель, автор 255 рассказов и одного романа. Совершенно случайно программа выдала ссылку на ваш журнал. В частности, Жемчужина №78, стр. 21, где размещен мой рассказ «Анчоус», только почему-то автором указана Г. Прогова. Хочу отметить, что все мои произведения зарегистрированы на писательских порталах, имеют юридические свидетельства о публикации, сертифицированы и депонированы. Уникальность текста и авторство принадлежит мне.

<https://proza.ru/2022/03/14/1556> ← Вот ссылка на рассказ «Анчоус» на портале Союза Российских писателей. Свидетельство о публикации №222031401556 (рассказ «Анчоус»).

К сожалению, бывают случаи воровства раскрученных произведений, но закон об авторских правах есть и он работает. Поэтому прошу Вас принять соответствующие меры и исправить имя автора. Настоящий автор рассказа «Анчоус» - Татьяна Пахоменко.

Что же к этому письму можно добавить? Разве что принести искреннее извинение за невольную ошибку и доставленное огорчение настоящему автору Татьяне Пахоменко, хоть и произошло это НЕ по вине редакции.

А вот 3-их лиц, которые передают понравившийся материал для печати, придётся настойчиво просить - никогда больше этого не делать. Работу для публикации должен присылать сам автор. Исключение составляют только близкие родственники тех авторов, кого уже нет с нами.

Чтобы исправить возникшее недоразумение, публикуем рассказ “Анчоус” ещё раз - за подписью Настоящего Автора - Татьяны Пахоменко. (Т. М.)

“ А Н Ч О У С ”

Бабушка выросла словно из-под земли. Не было - и вот она. Он еле успел нажать на тормоз. Мощный автомобиль, взревев, словно укрощённый хищник, остановился.

Дмитрий Викторович выскочил на улицу. На языке много чего вертелось. Он уже рот открыл, но вдруг замолчал.

- Доброго здоровьичка, внучек. Торопишься куда, поди? - незнакомая бабулька бесхитростно улыбалась.

Глаза будто прозрачные голубые леденцы. Выцветший платочек с цветочками, ситцевое платьице. На ногах - галоши. Поправила натруженными руками седые волосы, ещё раз улыбнулась. Улыбка была совсем детская, даже такие же беззащитно-розовые дёсны, как у младенцев.

Дмитрия Викторовича уважали коллеги и побаивались партнёры. Он был жёсткий, бескомпромиссный, ничего не боялся. Считали, что идёт по головам и чужды ему человеческие эмоции. И будь на месте бабушки кто-то другой, не миновать бы тому человеку всей глубины его гнева.

Но где-то в глубине Дмитрия Викторовича жил мальчик Митя. Обожающий свое детство и бабушку Липу. К ней мальчика на всё лето привозили родители. Он спал в пологе. Просыпался, когда аромат от бабушкиных блинчиков и пирожков разносился по всему дому. Соскакивал и бежал к ней по деревянному, тёплому от солнца полу. Бабушка прижимала его к себе, обнимая руками, ещё в муке, которые вытирала о передник.

На столе стояла кружка с парным молоком. А потом они шли в поле. И облака проносились низко, качались васильки. На горизонте паслась коровка Бусинка. А рядом шёл конь Звездочёт. Вечером бабушка рассказывала сказки. И можно было выйти на крыльцо, послушать звуки ночных гостей, как она их называла. Что-то светилось в траве, кто-то шуршал. И не было никого счастливей Мити в тот момент...

Поездок к бабе Липе он всегда ждал. Его утончённая и модная мама моталась по курортам. Отец, крупный чиновник, пропадал на работе. У мальчика было всё: игрушки, поездки, исполнение любых желаний. А ему хотелось поскорей в деревню к бабушке. И он не мог понять в тот день страшных слов по телефону: бабушка Липа умерла.

Как это? Баба Липа не может умереть! Как без неё будут Бусинка и Звездочёт? Ночные светлячки? Как без неё будет он, Митя?

- Какая выдержка у мальчика! Стоит и даже не плачет! Собранный такой! - удивлялись на похоронах знакомые.

Дима попросился туда, как не отговаривали его отец и мать. Боль изнутри ломала, била, выворачивала. А внешне он стоял твёрдо, даже не плакал. С бабой Липой уходило всё, что было ему так дорого...

С тех пор изменился и его характер.

Прошли годы. И вот ему 35 лет. Он ехал в аэропорт, ждал полёт по делам. Но вдруг вспомнил просьбу своего друга, егеря Сергея. "- Отправь телеграмму, Дим. Это очень важно. Я сам уже не успеваю, в лес надо. Дозвониться до своих не могу. Это тётке моей. Связь у них частенько не ловит. Отправь, прошу. Только не забудь!" - просил Сергей.

Дмитрий Викторович ничего не забывал. Но закрутился с новым контрактом. И... почему-то забыл. Вспомнил уже по дороге...

Глянул на навигатор: населенный пункт с незнакомым названием. Не то город, не то поселок. Он ещё успевает к самолету, время есть. Отправил телеграмму, сел за руль и помчался в аэропорт.

И вот тут-то, как из-под земли и появилась та бабуля...

Она была очень похожа на его бабушку. Или ему так показалось? Все бабушки похожи друг на друга ощущением безграничного счастья и того, от чего щемит в груди и хочется улыбнуться.

- Вы чего же так... Неосмотрительно вышли на дорогу. Я мог задавить вас. Тут нет перехода. А я тороплюсь, да. На самолёт, - вздохнул он.

- Внучек! Помоги мне, пожалуйста! - вцепившись в рукав его пиджака, попросила старушка.

Дмитрий Викторович глянул в сторону машины. Кошелёк был там.

- Сейчас. Сколько денег нужно? - спросил он.

- Денег? Каких денег? Нет, что ты, милый! Этого не надо! Помоги мне Анчоуса найти! - бабуля по-прежнему не отпускала его руку.

- Анчоуса? - вскинул он бровь.

В голове тут же сложилось: пожилая женщина потеряла собаку. Но... у него нет времени её искать.

- Бабушка! Вы покричите его! Прибежит. Или к дому придёт. У вас тут всё рядом, никуда не денется ваш Анчоус!

Дмитрий Викторович посмотрел на часы. Время еще было.

- Матрёна Митрофановна меня зовут. А тебя как? - не отставала старушка.

- Дмитрий Вик... Митя, - глухо произнёс он.

Так давно его никто не называл. Зачем он сейчас вспомнил и назвал свое детское имя? Непонятно.

- Митенька... У меня так мужа звали. Митенька, помоги мне, а? Ножки не держат, так расстроилась. Анчоус-то всё, что у меня осталось! Мужа схоронила давно уже. Дочка с внучкой разбились в то лето... Никого нет теперь. Только он! - бабушка принялась утирать слёзы краешком платка.

Дмитрий Викторович снова взглянул на часы. Если он будет ехать быстро, то в принципе, время еще есть.

- Садитесь в машину. Сейчас объедем улицы! У вас их не так много! Прямо пасторальная идиллия, а не место! Все зелёное, в цветах! - он помог старушке сесть в машину.

Прокатились они быстро по улицам. Только Анчоуса так и не нашли.

- Спрятался, наверное. Матрёна Митрофановна, послушайте, у меня самолёт. Я вообще бы в ваши края не заехал, но вспомнил про телеграмму. Всем что-то срочно нужно здесь. Другу Сергею телеграмму, вам вот Анчоуса найти. Давайте сделаем так. Вы его ищите, продолжайте. А я вам свой телефон напишу, хорошо? Приеду, помогу если что. Не плачьте вы! Хотите, если не отыщете, я вам корги куплю? - предложил Дмитрий Викторович.

- Какие корки? Зачем они мне? У меня свои дома есть! Сушу на печке! - всплеснула руками Матрёна Митрофановна.

- Нет, вы не поняли. Корги - это собачка. Как у английской королевы! Хотите? - усмехнулся молодой мужчина.

- Нет, внучек. Не надо мне корки эти. Какая я королева? Мне бы Анчоуса! Окромя его никто не нужен! - бабушка продолжала доверчиво смотреть на него.

Они на улицу вышли. Раскалённым апельсиновым шаром висело в небе солнце. Пахло скошенной травой и мёдом. Дмитрий Викторович положил визитку бабушке в

карман. И пошёл к автомобилю. Краем глаза заметил, что старушка вначале бросилась за ним, потом остановилась.

Сел за руль. Ему нужно срочно на самолёт. Он опоздает, а там новый контракт и деньги. Он ещё успевает, если будет ехать очень-очень быстро.

Перед тем, как тронуться, посмотрел в сторону бабушки. Она стояла и плакала, опустив голову. Вытирала слёзы краями платочка. Встретилась с ним взглядом через открытое окно.

- Храни тебя Бог, Митенька! Ты и так много времени на меня потерял! Сама поищу! Господь в помощь! - помахала ему рукой старушка.

А он сквозь это лето и солнечные блики вдруг увидел заснеженную зиму. И бабушка Липа махала ему так же рукой, пока не скрылась за снежной пеленой. Больше он её не видел...

Да, у него контракт и деньги на кону. А у неё, у этой старушки - что? Пустой дом без близких? Загадочно исчезнувший Анчоус, в которой сосредоточены вся жизнь и любовь? Не может он уехать. Это будет предательством. По отношению к этой старушке Матрёне Митрофановне. По отношению к своей бабушке Липе...

Дмитрий Викторович вздохнул. Машина плавно тронулась, он её в стороне поставил. Пошёл по направлению к старушке, грустно подумав, что сделка уплыла. И его друзья, и знакомые не поверили бы, если бы увидели, что он творит. Но так надо. Так правильно.

- Ты чего это... Не нужно ехать-то? - старушка снова схватила его с надеждой за рукав.

- Теперь уже не нужно. Ну что, давайте, вашего Анчоуса искать!

- Ты называй меня на «ты», внучек. Можно - бабушка Матрёна. Меня внучка звала «баба Матрёшка». Прости, Митенька, что задержала тебя. Но я не могла иначе! - всхлипнула бабушка.

Дмитрий Викторович, повинувшись порыву, прижал её к себе. Так они и стояли какое-то время. Шикарно одетый молодой мужчина и простая деревенская старушка, незнакомые до сегодняшнего дня.

А потом долго бродили по улицам. И баба Матрёна всё кричала: «Анчо-о-ус!». Домой к себе позвала, мол, он притомился, поди.

Домик был маленький. Внутри бедно, но чисто. Дмитрий Викторович пообещал себе мысленно бабуле помочь...

Вязаная ажурная скатерть на круглом столе. Самовар и верёвочка баранок. Банка с молоком. Разноцветные коврики. На стене - фотографии. Седовласый мужчина с ямочкой на подбородке. Молодая женщина, прижимающая к себе зеленоглазую девочку. Семья, её семья. Рядом иконы.

- Садись, Митенька. Молочка хочешь? Козьего? У меня Морoshка живет. Вот от неё молочко! Пирожки вон тут, под полотенцем. С картошкой, с капусточкой. Кушай, милый. Ты что-то бледный такой мне вначале показался! - погладила его по светлым волосам бабушка Матрёна.

Он улыбнулся. Впервые не дежурно, а от души. Это было то же самое молоко, родом из детства. И пирожки такие же, как у бабы Липы. Он перестал есть выпечку где-либо. С тех пор, как не стало бабушки. Потому что всё казалось пресным и невкусным. Пришло и долгожданное ощущение покоя. Даже спать захотелось. Ему давно не снились сны. И все время было ощущение гнать, бежать куда-то, успевать...

До этого момента Дмитрий Викторович не понимал, как сильно всё-таки устал. И не хватало этих разговоров, тёплых, по душам. Потому что не доверял даже тем, с кем дружил. Отец и мама его, конечно, любили, как и он их. Но того тепла, что было с бабушкой, не доставало. И вот теперь оно возвращалось.

- Баба Матрёна, пойдёмте дальше искать пропажу вашу! - Дмитрий Викторович поднялся.

Странно, но в доме и на крохотной кухоньке он не увидел собачьих мисок. Но решил, что из-за хорошей погоды вышеупомянутый Анчоус мог заниматься перекусами во дворе.

На одной из улиц им повстречалась дородная дама в красном платье с розами. С любопытством зыркнула в их сторону и остановилась:

- Здорово, Митрофановна. Слушай, ко мне тут опять сын приехал, да внучата, как хорошо-то!

Дальше полился поток информации про неведомого сына и внучат. Баба Матрёна кивала. Дмитрий Викторович стоял рядом. Пиджак он оставил в доме. Тёмно-синие

брюки, белая рубашка. Соседка, выдав новости, ещё раз взглянула на него и не удержалась:

- А это... Кто это с тобой, а? Митрофановна?

Баба Матрёна молчала. И чей-то голос, в котором он узнал свой собственный, вдруг произнёс:

- Я внук. Митя. Будем знакомы!

Соседка охала и ахала, даже чуть сумки не уронила. И устремилась куда-то вниз по улице, остановив случайную прохожую и отчаянно жестикуюлируя в их сторону.

Баба Матрёна робко улыбнулась и погладила Дмитрия Викторовича по руке.

Так они и шли. Старушка и бизнесмен. Вдруг из-за поворота выбежал гусь. Он размахивал крыльями, гогоча. Старушка охнула и кинулась к нему навстречу. Птица обнимала бабу Матрёну, норовя положить голову ей на плечо...

- Митенька! Иди сюда! Нашёлся, слава Богу! Митенька, вот он! Анчоус мой! – приговаривала старушка.

Дмитрий Викторович рассмеялся. Нет, этого не может быть! Гусь! А собственно, с чего он решил, что Анчоус – собака?

- Умница он у меня такой! Гусёнком еще так привязался, что верный дружок стал! По пятам ходит. Гуси и людей запоминают, и дорогу без труда найдут. Оттого и перепугалась я, когда он пропал сегодня. Никогда и никуда не уходил! А дом он знаешь, как охраняет! Не хуже собаки! А назвала его так, что он анчоусы любит, неизвестно почему. Все удивляются. Гуси же травку щиплют. А этот вот особенный. Схватит анчоус - и бежать. То ли ест, то ли прячет куда, - радостно делилась впечатлениями бабушка Матрёна.

К дому бабушки Матрёны они втроём шли. Важно ковылял впереди Анчоус.

Свой телефон Дмитрий Викторович в пиджаке оставил.

Взял в руки: 70 пропущенных звонков от мамы. Что-то случилось? Он не успел набрать её номер, как сотовый ожил...

- Кто это? Сынок?! Дима?! Сыночек!!! Где? Как??? Дима, это правда ты, родной?!!! – плакала мать.

Он никогда не замечал у неё таких эмоций и пробовал что-то сказать. Но в ответ слышались лишь рыдания. Наконец раздался какой-то звук и в трубке послышался дрожащий голос отца.

- Дима! Димочка! Сыночек! Как же так? Где ты, сынок? – и отец заплакал тоже.

- Папа! Да что случилось? У вас что-то? С мамой? Папа, не молчи! – крикнул он.

- Самолёт... Самолёт упал, Дима. Тот, на котором ты лететь должен был. Мы думали, ты погиб, мама упала сразу... Как??? Где ты, сынок??? Мы выезжаем. Дима, это же чудо, что ты жив!!! – отец и мать, вырывая друг у друга телефон, говорили одновременно.

Ему внезапно стало трудно дышать. Расстегнул верхние пуговицы. Вышел на крыльцо. На скамеечке перед домом, протягивая ему горсть ягод, сидела бабушка Матрёна. Важно обходил свои владения гусь Анчоус.

- Папа, я у бабушки. Нет, не в бреду я. Не волнуйся! Вы приезжайте с мамой сюда!

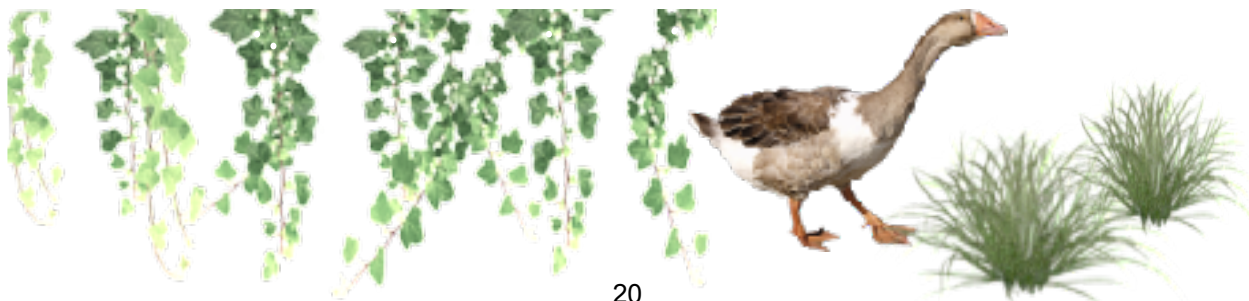
Он не плакал с 8 лет, с того дня, как прощался с бабой Липой. Но сейчас солёные капли текли по щекам. А бабушка Матрёна суежилась рядом, вытирая их платочком.

- Пап, со мной всё хорошо. Я вас так люблю! Знаешь, у нас теперь снова есть бабушка! Её Матрёна зовут. Я жду вас с мамой! – продолжил Дмитрий Викторович, вдруг почувствовал себя ребёнком, а не идущим напролом сильным мужчиной.

И склонился перед Анчоусом, который в ответ нежно обнял его двумя крыльями, наклонив голову на плечо. Рядом крестилась бабушка Матрёна...

Татьяна Пахоменко

proza.ru Свидетельство о публикации №222031401556 (рассказ «Анчоус»)

НОСТАЛЬГИЯ

За северным фасадом, взирающим на старый немецкий пруд, в тени нашего дома сугробы ещё сахарные, чуть оплавленные. На самом пруду и его округлых берегах февральские дожди снег растворили: лёд стал мраморным, гладким, с медовыми прожилками заплывших трещин, а на почерневшей земле и над ворохами жухлых прошлогодних листьев распласталась зелёная до изумрудности трава. Никак не могу привыкнуть к этому густозелёному ковру, беззаботно являющемуся из-под стаявшего снега. На моей родине в Приамурье сейчас безысходная зима: земля в глубоких рваных трещинах, стылая до звонкости, донельзя, лихие заверти гоняют, хлещут жёсткую снежную крупку, и сил нет как, отчаяние берёт ждать прихода далёкой весны.

Зато весна на Амуре, начавшись несмелыми проталинками и робкими хрустальными сосульками, – безудержная, бесшабашная. Солнца у нас вволюшку. Притихшие чистые снега истончаются, становятся скандальными мутными ручьями, а те, демонстрируя оптимизм грядущих перемен, миллионами осколков разбитых зеркал разбрасывают по миру резвых и неуловимых солнечных зайчиков. Но и это только начало, ещё прелюдия, чёрно-белое кино, в котором звонкие ерошенные воробьи вместе с солнцем купаются в сверкающих лужах. Следом звучат цветные аккорды весенней картины мира, вот-вот прольются.

На покатых склонах амурских сопок, на невзрачных кустиках с крохотными тёмно-глянцевыми вечнозелёными листиками, чуть набухшие почки приоткрылись яркими клювиками бутончиков рододендрона. Как бабочка, выходящая из тесного кокона, цветок с трепетом расправляет смятые крылышки: неосторожно-длинные, восторженно изогнутые розовые стеклянные ресницы тычинок и пестика в ювелирном обрамлении пяти восково-прозрачных лепестков. Немыслимо передать словами дивные оттенки этих нежнейших, почти воздушных лепестков. Есть в них радость розового утреннего неба, нега малинового заката, печаль фиолетовых сумерек, это – цвет грациозной божественной японской сакуры, только более чудный, девственный, первозданный и отчаянный. До видимых горизонтов и далеко-далеко за ними сопки светятся сплошным малиново-розовым покрывалом, – чарующая цветомузыка заполняет всю весеннюю вселенную.

Кажется, бабочки цветов на кустики только чуть присели: вот-вот встрепенутся и полетят все разом меж стволов тёмных сосен и светлых берёз, над рыжим маньчжурским дубняком, не сбросившим крепкий прошлогодний лист. А потом в потоках холодного, ещё морозного воздуха поднимутся выше, заполнят небо, покружатся и улетят к солнцу, в сказочную страну детства, где все беззаботны и счастливы: и люди, и бабочки, и цветы.

Далее приходит пора амурских подснежников: фиолетовых, синих, тёмно-красных мохнатых колокольчиков. На солнечных косогорах и в тени распадков, в лесах и на берегах – чохом, гурьбой явиться могут всюду, даже на одичалых газонах и в истоптанных городских парках. По-детски застенчивые стоят они на крепких с сизой серебристой опушкой стебельках, поднимая и клоня из растрёпанных розеток-воротничков головки милых сердцу цветов.

Над подснежниками запорхали, кружатся настоящие мотыльки: красно-бурые с голубыми пятнышками в белых с чёрным подзором окружьях. Но благостное отишие нарушает гулкий рокот и гуд. Откуда ж взяться грому без грозы?

С берегов Амура летят раскаты, трещит лёд на великой реке – апогей весенней симфонии, время её следующей – эпической части. Это ещё не ледоход, а его предтеча. В прибрежных домах стёкла тренькают и тонко поскуливают от речных набатов. Вот уже и ветра разбудил Амур: задули, загремели, засвистали, шквалами и дикими сквозняками понеслись вдоль реки. И – охнул лёд, сдался. Сдвинул Амур ледяной панцирь, потащил, скрежеща в берегах. Лопается, ломается лёд, дыбится громадами заторов. Но герою нет преград, и чёрт ему не брат! Звон, грохот, уханье ледохода сливаются в оглушительный гул, как под колоколом.

...Как-то по весне приехали ко мне в Благовещенск приятели из Иркутска, вывел их на набережную – Амур-батюшку показать. Встали мы на самом краю у чёрных литых столбов с провисшими тяжёлыми цепями. А был должно конец апреля – самая вершина ледохода, и грохот стоял такой, что кричать приходилось, чтобы услышали. Неслись по реке огромные льдины, бились, топорщились, набережную цепляли, и вдруг одна как исполинский кашалот вынырнула, бросилась к нам, – чудом успели отскочить, – а та зацепила массивные чугунные кнехты ограждения, в ярости вырвала из бетона и, прихватив вместе с коваными цепями, легко утащила в пучину. Мои сибиряки только ахнули, – и у себя дома видели они великие реки, и сам Иркутск стоит на берегу немаленькой Ангары, но такой мятежной силищи ещё не встречали.

...Много дней тянет лёд по Амуре, пока верховья его самых северных притоков не освободятся. И уже плещет, смеётся бликами тёмная вода, разудалые волны режутся в стремнинах, уже в затонах мальчишки купаются-визжат, а по берегам всё ещё лежат и томятся

выброшенные и забытые Амуrom могучие речные айсберги: позванивают, шелестят, осыпаясь высокими иглами-кристаллами.

Земля ещё толком не оттаяла, по утрам нередко ледяные глазури, и вечерами зябко тянет холодом, но днём солнце жаркое, жгучее. Наконец-таки распускаются почки деревьев, раскрывают ребячливые листики, вкрадчивыми щепотками пробиваются травинки, радостные одуванчики зацветают, а следом – фарфоровые яблоньки, жемчужные вишенки, мраморно-белые груши, а уже за ними – кипенные черёмухи. А как сорвут, завьюжат горячие ветра черёмуховый снег, то уже лето наступит.

Финал весенней симфонии. Потом польются песни лета. Песни тёплых гроз, лугов, сплошь цветущих золотыми лилиями-саранами, белых придорожных маков на беззащитно-тоненьких ворсистых гнутых ножках...

Эко куда я мыслями улетел. На Амур, за семь тысяч километров. И вовсе не весна сейчас там, размечтался...

А меж тем стал падать снег. опускается густо отвесно огромными, как перья, хлопьями. Уже и другого берега старого пруда не видать. И так тихо-тихо стало, что даже дыхание в груди таится и только слышно, как сердце гулко стучит. И всё стало белёхоньким, а нежные пёрышки всё падают и падают. Внук сказал, что это крылышки добрых эльфов, когда-то давным-давно живших в этих краях.

Февраль 2013,

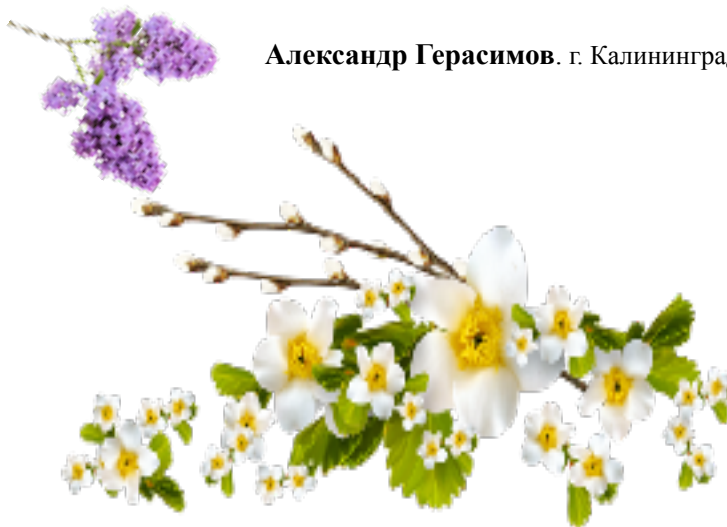
Александр Герасимов. г. Калининград.

Отчего над землей несутся,
призывая с высоты
белоперые лебеди грусти,
разметав веерами хвосты?

И вчера, и сегодня, и завтра...
Бесконечен просторный полет.
Не могу я: во мне отравой
та же белая птица живёт!

Павел Далецкий

...И было всё на свете хорошо —
но дождик мелкий моросить пошёл
и, крышами железными звеня,
залил весь мир буквально за полдня.

Дождь проступает на окне, как пот.
А за окном спешит продрогший кот.
Он, аккуратно лужи обходя,
крадётся между каплями дождя.

Промокшая от клюва до хвоста,
ворчит ворона под зонтом куста,
и голуби бурчат согласно с ней
на дереве, промокшем до корней.

А тучи в небе — тяжелей свинца,
и нет дождю ни края, ни конца.
Весь мир промок насквозь, хоть выжимай...
Осенний дождь. Весенний месяц май.

Николай Лисин. Россия. 2021 г.

Уходят праздники в Историю,
Оттуда вылезают новые.
Об актуальности их спорим мы,
В пылу до драк дойти готовые.

В архивах множатся открытия,
Вскипают пеной диссертации.
И появляются события,
Пригодные для провокации.

Крутя калейдоскоп Истории,
Узоры нужные фиксируем
И создаём фантазмагорию,
Которой этот мир тестируем.

В мозги вбиваются понятия,
Из них слагаются суждения,
Чтобы под крышей демократии
У всех одно имелось мнение.

Валерий Румянцев.

Колин родник

Узкая, но стремительная речка. Хлипкий мосток, сделанный из двух тонких бревнышек, которые так и ходят под ногами, едва не касаясь поверхности речки, словно стараются скинуть любого в быструю воду, а еще к мостику с одной стороны приделаны шаткие перильца, за которые и взяться-то опасно, а уж держаться за них да перебраться на другую сторону не каждый решится... Но если перебраться на другую сторону и прислушаться, можно услышишь едва слышный перезвон, словно колокольца малые раздаются в тиши - это разговаривает большой родник под раскидистыми ветлами, что разрослись по берегу узкой извилистой речушки, где водились мелкие пескари, окуни с палец величиной да верховка или бакля, как местные называли её. Вот и вся рыба. Но сюда приходили не для того, чтобы рыбу ловить, а просто отдохнуть в теньке возле Колиного родника, да попить чистой водички из него. Его и прозвали так, Колин родник, потому что много лет тому назад наткнулся на него Колька Вершинин, в ту пору еще паренек деревенский. Наткнулся, когда на этой стороне речки пас деревенских овец. Он услышал журчание среди высокой травы. Долго бродил, прислушиваясь, и увидел, как из земли пробивается маленький родник и стекает по камням в речку. Присел Колька Вершинин возле него. Хорошо тут было! Ветла раскинула свои ветви. Почти до земли свисают они. Тенисто тут, прохладно. И звенит родник, заливаётся. И Коля не удержался. Пока овечки отдыхали, он принялся расчищать родник. Широкий его сделал и глубоким. Уж напугался, что загубил его, но увидел, как среди песка снова появилась струйка воды. И постепенно стал наполняться родник. А вечером, когда овец пригнал в деревню, прихватил лопату и опять вернулся к роднику. Еще раз прочистил. А потом груды камней притащил к нему. Стенки выложил, пока вода не наполнила, край родника обложил. Порожки соорудил к речке и тоже камнями выстелил. И зазвенели колокольца малые в тиши! Зажурчал родник, на все голоса запел. С той самой поры и прозвали родник Колиным. А чуть выше, вдоль склона горы проходила дорога, по которой частенько сновали машины и они останавливались рядом с родником, благо было, где машину оставить да и самим посидеть. И не только водители останавливались, но и простые прохожие, которые шли этой дорогой, сокращая путь между деревнями. В тиши, в прохладе сидели они и отдыхали. Редкий раз говорили, а большей частью молчали, о чем-то задумавшись, или слушали пенье птиц, которых было полным полно. И Колин родник шептал-разговаривал, новости рассказывал и просто радовался каждому путнику, который решил остановиться возле него, чтобы зачерпнуть холодную воду потемневшей кружкой, что всегда стояла на краю родника, потом присесть на траву или валуны, что были неподалеку, неторопливо пить воду, и смотреть на деревню, что когда-то была на другой стороне извилистой речки, где в старые времена жил Коля Вершинин, от которой, можно сказать, осталось одно лишь название. Смотрели и думали...

Проходили годы.

Все реже и реже останавливались путники возле Колиного родника. Все меньше и меньше проезжало машин по старой дороге мимо него, а поэтому и путников становилось меньше. Некуда и незачем им было появляться в этих краях. Ну, а кто всё же бывал и останавливался возле родника, надолго оставались тут. Черпали воду всё из той же потемневшей кружки, неторопливо пили её, прислонившись спиной к раскидистому дереву, и вспоминали деревушку, которая когда-то была на другой стороне речки и Колю Вершинина добрым словом поминали, именем которого и был назван родник. В старые времена бывало, взглянешь на деревню, крыши видны, огороды спускаются к речке. Возле каждого дома палисадники. А там белье парусит во дворе. Где-то гавкнула собака и умолкла. Пекло на улице. Даже собаке лень гавкать. Зато петухи неугомонные. Один взлетел на забор. Недуром заорал, крыльями хлопал, а вслед за ним и остальные заголосили, пытаясь друг друга перещеголять. Наорутся и снова тишина. Вдруг донесся шум машины. И она, подпрыгивая на ухабах, поднимая тучи пыли, проехала по дороге. И еще долго будет висеть пыль над дорогой. Была деревня. Жила деревня. И её не стало. Кого на мазарки снесли, а другие сами разъехались, когда в деревне работы не стало. Они вынуждены были искать хорошую жизнь. Почти все разъехались. А вскоре и остальные ушли. Кто к родне подался, а других на мазарки снесли. И не успели оглянуться, как умерла деревня. Не стало жителей, и дома умирают. Год, другой и третий и захирела она, а еще немного времени прошло, стали проседать крыши, валиться сараи и не успели оглянуться, как не стало её - деревни-то, лишь крапива с репейником заволокли округу, там и сям островки бузины с черемухой, а еще осталось старое кладбище, да Колин родник как бы говорит, что здесь когда-

то жили люди, а сейчас... А сейчас - нет. Остался родник - говорун да старое заросшее кладбище среди берез на взгорке и всё. Тишина над округой. Лишь птицы поют, да ветер гуляет в кронах деревьев. Только редкий рыбак или охотник появляется в этих краях и останавливается возле родника, чтобы немного отдохнуть. Присядет возле него, слушает, о чем бормочет родник, а сам думает. О чем? Да обо всем и о жизни, как прошлой, так и будущей - тоже...

Много лет прошло с той поры, как не стало Коли Вершинина, а память о нем живет. И деревни не стало. Люди поразъехали в поисках лучшей жизни, но память живет. И принято было, кто приезжал или забредал в эти места, все останавливались возле родника. Всем хотелось посидеть в тиши, в прохладе, послушать колокольца малые и посмотреть на деревню, что было, что стало...

И раньше, когда деревня стояла, Коля Вершинин свою невесту сюда привел. Перебрались через узкий мостик и долго сидели возле родника - говоруна. С той поры, начиная с весны и до поздней осени, вечерами пропадали возле него. Следом за ними остальные ребята с девчонками стали собираться возле родника. Гуляли вдоль речки, а то просто сидели. Одни разговаривали, а другие молчали. Молчали, смотрели на речку и думали. О чем? Да обо всем, и будущей жизни - тоже. Но, к сожалению, будущего не было ни у деревни, ни у молодежи. Одни уезжали учиться и обещали вернуться, но оставались в городе, где жизнь другой казалась, более легкой что ли... А другие женились. Детишки появились, строились планы на будущее, но пришло время, когда вся жизнь с ног на голову перевернулась, и пришлось жителям деревни бросать родные дома и уезжать в дали дальние. Ладно, у кого-то родня в райцентре была или в ближайших городах, туда уехали, а другие подались на край земли в поисках счастья, так сказать. Жители разъехались. Прошли годы и деревня умерла.

А Колин родник остался. И радовался каждому путнику, кто присаживался возле него и зачерпывал ледяную воду, а родник журчал, рассказывая о прошлой жизни, о людях, кто здесь бывал, а когда путник уходил, он как бы затихал. И ждал, когда еще кто-нибудь забредет в эти места, чтобы немного отдохнуть возле родника, и тогда он запоет, зажурчит, зазвенят колокольца малые, радуясь случайной встрече...

Но все равно, даже у Колиного родника были праздники. На праздник Победы и на Троицу отовсюду приезжали люди. Собирались возле родника, как бывало в старые времена. Кто один добирался, а другие семьями ехали. Тут же под ветлами останавливались. Правда, с каждым годом приезжающих становилось всё меньше и меньше, и поэтому радовались каждому человеку, кто смог приехать к Колиному роднику. И каждый первым делом зачерпывал из него холодную воду. Неторопливо пили. Наслаждались вкусной водой. А потом принимались наводить порядок. Одни оставались возле родника, чтобы его почистить, а нужно, камнем обложить, вон какой красивый и прочный с собой привезли - глаз радуется, а другие тянулись в сторону деревенского кладбища, которое заросло крапивой да репейником. И это всё нужно убрать, а потом еще могилки поправить, земли подсыпать, которую брали тут же на склоне холма, а еще посадить цветы, покрасить оградки и памятники, а где нужно, подправить кресты. Работа всегда находилась. И чуть ли не весь день проводили здесь же, помогая друг другу, а потом, когда всю работу переделывали, каждый садился рядышком с родными могилками и еще долго потихонечку разговаривали, словно опасались нарушить кладбищенский покой, а другие вовсе молчали, о чем-то задумавшись.

Ближе к вечеру, люди возвращались к Колиному роднику. Неторопливо спускались по пологому склону, а разговоры так и оставались тихими, у всех светлые лица и какие-то спокойные. Видно было, радовались они, что удалось посидеть возле родных могил, поговорить с усопшими, а сейчас шагали к Колиному роднику, чтобы там посидеть и помянуть всех, кого уже с ними нет, а заодно пообщаться с теми, кто приехал в родные края. Кто был на машинах, доставали из багажников одеяла и покрывала, расстилали на траве, приготавливая общий стол. Расставляли нехитрую снедь, которую захватили с собой, а некоторые успевали приготовить на костре постную или куриную лапшу и разливали ее всем желающим. Разливали водку. Детям газировку или компот. И поднимали стаканы и кружки. У кого какая была с собой посуда, в ту и наливали. Поминали тех, кто ушел в мир иной, запивали водой из родника, а он радовался такому вниманию. И даже казалось, будто журчал-звенел куда громче обычного и говорил, говорил, будто старался успеть рассказать всё, что произошло за этот год. И журчал-бормотал, и звенели колокольца малые...

- Ну, все в сборе? - поднялся грузный седой мужчина в расстегнутой рубашке, держа в руке стакан, внимательно и неторопливо оглядел приезжих, которые расположились между ветлами, а потом вздохнул. - Вижу, редеют наши ряды. С каждым годом всё меньше и меньше людей приезжают сюда.

- А что ты хочешь, Назар Василич? - откуда-то с краю донесся голос. - Одни не смогли приехать в такую даль, уж здоровья не осталось, других снесли на мазарки, а некоторые забрались в такую даль, что еще не скоро появятся в родных местах. Поразбросало жителей деревни по всему свету, а соберутся ли - не знаю... Годы не идут, а пролетают с такой скоростью, что не успеешь оглянуться, а возле Колиного родника никого не останется. Ну, мы, ну, еще дети наши будут приезжать, а для внуков и правнуков - этот родник, как и наша деревня, будет казаться пустым местом, как сказка. И вряд ли они поедут сюда, чтобы взглянуть на несуществующую деревню, о которой столько доброго и хорошего слышали, но душой и сердцем не прикипели, как мы, к примеру. И не нужно винить их, и не наша вина в этом. У внуков другая жизнь, про которую они вспоминают, а мы живем прошлым и в прошлом...

- Правду говоришь, Матвей, живем прошлым и в прошлом, - задумавшись, сказал Назар Василич. - Вольно или невольно, но каждый день вспоминается родная деревня. А уж если начнем разговоры вести про нее, всех переберем, всех вспомним. Ведь наша жизнь тут прошла, родители жили, деды и прадеды наши, а сейчас - никого... Словно с дерева сорвало листву и по всему свету раскидало, как нас, к примеру. И получается, что мы живем прошлым и в прошлом. И сюда приезжаем, чтобы не только за могилками родными поухаживать, но вместе собраться, чтобы возле Колиного родника посидеть, поговорить по душам. А поговорю, и оказывается, словно в прошлое вернулся, где были живы родители, деды и бабки, а главное - деревня жива, а теперь её нет. Куда бы ни уехал человек, а душой, где-то глубоко внутри, он связан с родным местом, словно пуповиной сросся. А может и правда, что сросся...

Он сказал, замолчал, обвел взглядом притихшие компании, сидевшие возле родника, а потом поднял стакан, молча выпил и уселся в траву, опустив голову.

Молчали и другие. Каждый сидел и думал о своем. Отовсюду разноголосье птиц, в траве кузнечики вовсю стрекочут, а рядом журчит-бормочет Колин родник. Он радуется, что снова возле него собрался народ, умыли его, почистили, каждый подходит и наклоняется над ним, словно поклоны кладут, набирают воду и тут же пьют её - соскучились за год-то. И родник радуется этому, радуется каждому, кто приехал, кто сидит здесь, а некоторые останутся с ночевкой, и тогда до утра будут гореть костры и до рассвета не смолкнут разговоры. О чем будут говорить? Да обо всем, о деревне и людях, о детях и внуках и, склоняясь над ним, будут поминать добрым словом его, Колю Вершинина, чьим именем называли родник, который столько лет собирает всех вместе, и журчит-рассказывает о жизни, что здесь кипела, а сколько еще будет говорить - этого никто не знает и он, Колин родник - тоже...

- Если задуматься, у нас осталась лишь наше прошлое, родные могилки, которые нельзя забывать, и Колин родник, - неожиданно вскинулся Назар Василич, обвел рукой оком, будто он был хозяином этих мест, а может, и считал себя хозяином, но бывшим, одним из тех, кто здесь собирался каждый год и еще будут собираться, пока живы они и память людская. - Да, вот вспомнил Колин родник... В деревне слухи быстро разносятся. Сразу окрестили родник Колиным, когда узнали, что Колька Вершинин наткнулся на родничок и столько времени потратил, чтобы он стал таким, - и Назар Василич ткнул пальцем в журчащий родник. - С той поры прозвали его - Колин родник. Мальчонкой был, когда наткнулся. Многие бы мимо прошли, или того хуже, затоптали бы родничок, а Колька ему новую жизнь дал. Сами знаете, с какой любовью он ухаживал за ним, как оберегал его, сколько времени проводил возле родника. И, глядя на него, другие стали сюда приходить. И гуляли здесь, и разговаривали. И, чего греха таить, тут же целовались и здесь же про свадьбы и будущее говорили. Всё было, потому что - это была наша жизнь. А Коля жизнь прожил и тут же, возле своего родника отдал Богу душу. Здесь нашли его, когда за водой пришли. Не захочешь, а поверишь в мистику. Когда Колю нашли, родник стал высыхать. Ушла вода. Все уж думали, что высох родник, а нет, после сороковин, кто-то из гостей сюда спустился и видит, снова тоненькая струйка воды поднимается со дна. Забил ключ, словно колокольца малые зазвенели. И с каждым днем всё сильнее и сильнее. Словно Колина душа сюда переселилась. А может и правда, что переселилась. Он всю жизнь отдал этому роднику. Каждый день бегал к нему, чуть ли не ворковал над ним. Каждый камушек, что здесь лежит, Коля своими руками укладывал, душу свою вкладывал. Наверное, так и получилось, что душа его в родник переселилась. А вы не замечали, когда сюда приходим, родник, словно радуется встрече? Звенит и звенит, журчит, будто о чем-то рассказывает и так громко, что диву даешься, - Назар Василич обвел взглядом всех, кто сидел под ветлами. - Это Коля Вершинин встречает. И радуется нам, что не забываем его, навещаем. И сейчас он с нами. Журчит, словно разговаривает, а может, о чем-то рассказывает... - Назар Василич пожал плечами, помолчал, а потом снова заговорил. - Уж сколько лет

прошло с той поры, как Колю Вершинина снесли на мазарки, а родник живет, встречает и провожает каждого, кто сюда приходит. И будет жить, пока к нему люди идут. И для каждого он найдет глоток воды. Столько лет, а он живет...

- Правду говоришь, Назар Василич, - кто-то перебил его. - Голосуешь на дороге. Машина остановится. Спрашивают, куда ехать? Скажешь, в Макаркино - шофер не знает, а назови Колин родник и сразу понятно, куда нужно ехать. Вот что с человеком память делает. Человека давно уж нет, а память о нем живет. Видать, правда, Колина душа родником стала. И журчит он сейчас, разговаривает с нами. Одни поймут его, а другие нет. Но мы знаем, что Коля Вершинин останется с нами, пока живет родник...

Сказал и замолчал, склонил голову к плечу, словно прислушивался, о чем журчит-говорит Колин родник.

И другие молчали, прислушиваясь к роднику.

- Да-а, - протянул кто-то из сидевших, - что память с нами делает-то... Вроде все разные и память у каждого напоминает о своем, только ему одному известное и сокровенное, а в то же время, все мы помним и будем помнить нашу деревню, наши поля и луга, да всё, что связано с маленькой, но нашей родиной.

И он обвел рукой оком.

И снова все замолчали. Задумались. Видать, каждый заглянул в свою душу и попытался найти самое дорогое для него, что он хранил многие годы внутри себя, скрывая от других, но в то же время, бережно хранил эти воспоминания, чтобы в какой-то момент, к примеру, как сейчас, достать это самое сокровенное, но не для того, чтобы показать присутствующим, а только для себя, что грело его долгие годы и будет еще греть до последнего часа его...

Стайка воробьев неподалеку опустилась возле них и громко чирикавая, что-то принялись искать в траве, редкий раз взлетая и отнимая друг у дружки.

Кто-то поднялся. Подошел к Колиному роднику. Наклонился, взял кружку, стоящую на краю, зачерпнул холодную воду, меленькими глоточками выпил, зажмурился, потряс головой - у, вкуснотища-то какая! Опять поклон, словно поблагодарил за воду и неторопливо вернулся на место.

- Мужики, ну-ка, разлейте всем, - сказал Назар Василич, немного подождет, наблюдая за всеми, потом сам потянулся за бутылкой, налил и поднял стакан. - Ну, други мои, поднимем стаканы и выпьем. Выпьем за то, чтобы память о нашей деревне жила как можно дольше. Ведь вся жизнь наших предков была связана с ней. Мы родились и выросли. Здесь же с девчонками гуляли, - он обвел рукой, словно хотел показать и люди непроизвольно стали поворачиваться вслед за его рукой, словно его жест приоткрывал дверцу в прошлое и каждый увидел то, что ему больше всего бы хотелось увидеть. - Выпьем, друзья, и пусть память живет вечно! - так, немного с пафосом сказал Василич, опрокинул стакан, захряхтел, мотая головой, взял протянутую кружку с родниковой водой, отпил и шумно выдохнул. - Эх, хороша водица! А сладкая - страсть! Сколько лет сюда ходим, приезжаем, а родник живет. Спасибо тебе, Коля!

И он склонил голову, повернувшись к роднику.

Там и сям возникали разговоры. Кто-то засмеялся, а там взвизгнула женщина и огрела ложкой по лбу своего мужа. Ребятишки носились между деревьями, всё норовили через хлипкий мосток перебежать, но взрослые цыкали и они, оглядываясь, снова мчались играть. Раздалась протяжная песня. Женщина, накинув платок на плечи, прислонившись к дереву, чистым и ровным голосом запела «Рябинушку», а вслед за ней и другие женщины стали подтягивать. Разговоры стихли. Лишь песня все громче и громче разносилась над округой. А потом еще одну запели и еще... А все сидели, слушали, а сами о чем-то думали. О чем? Да обо всем и о жизни - тоже...

- Вот была деревня, и ее не стало, - едва затихла песня, сказал Назар Василич. - Вроде жизнь по накатанной колее шла, впереди маячило светлое будущее и не нужно было думать о завтрашнем дне, потому что за нас все уже обдумали и постановили, всю нашу жизнь распланировали на многие годы вперед, а тут в одно мгновение, можно сказать, всё рухнуло и покатилося под откос. Вся страна покатилося и мы вслед за нею, а может еще и впереди нее неслись. Никто не знал, что произойдет такое. И мы не думали, а оказалось, нас выбросили на обочину жизни и живи как хочешь. Хочешь лучше жить, карабкайся, пробивайся, ну, а если наплевать, тогда окажешься на самом дне. Вспомните, сколько спорили, сколько раз к председателю обращались, а он только руками разводил. Да, его можно было понять. Он всего лишь маленький винтик в огромном механизме. Вылетел и никто его не заметил, как не заметили нашу деревню, которая стала умирать, а таких деревень и сёл по всей стране - несметное количество. И если поставить на месте каждой исчезнувшей деревни, как наша, по огромному кресту, вся страна покроется этими крестами. А возле каждого из них собираются вот

такие же люди, как мы с вами и вспоминают свои исчезнувшие деревни, - он помолчал, осматривая сидевших, потом снова заговорил. - Сидят и пытаются сохранить память о родных местах. Где-то больше народу приехало, а в других местах поменьше, но не нужно винить их, что не приехали, потому что не каждый сможет добраться в такую даль, не каждому здоровье поможет сюда приехать. Но знаю точно, что любой из них, кого сейчас нет с нами, каждый день думает и вспоминает нашу деревню, а вместе с ней и нас - тоже. Вот и получается, пока мы будем жить и помнить, будет жива наша деревня, как и многие исчезнувшие с лица земли.

И он замолчал.

Молчали и другие.

Лишь Колин родник журчал. Вот луч солнца коснулся воды и заиграл он, замелькали солнечные зайчики в его струях, балуясь с песчинками, а может радовались, что возле Колиного родника снова собрался народ. Сидят и вспоминают деревню, которой уж давным-давно нет, зато осталась память о ней и Колин родник, который журчит день и ночь, веет прохладой от него и радуется путник, случайно забредший в эти края. И остановится, чтобы немного отдохнуть возле Колиного родника. Будет сидеть и слушать, как звенит родник. Каждый поймет его, и внимательно будет слушать, как родник журчит - рассказывает о деревне, которой давно уж нет, но она живет в памяти людской. О людях, которым пришлось уехать в дальние края в поисках лучшей жизни. Но они не забывают и каждый год приезжают сюда, чтобы посидеть, поговорить обо всем, о сегодняшнем дне, о будущем, и прошлое вспомнить, лучшие и самые дорогие моменты которого человек хранит в своей душе. И почти каждую ночь они приходят к нему в сновиденьях, и человек возвращается в прошлое. Пройдет по деревне, которой нет, но она осталась в памяти и поэтому жива, увидит знакомых, остановится и поговорит с ними, побывает в родном доме и встретится с родителями и близкими людьми, а потом переберется по хлипкому мостку через речку, чтобы немного посидеть возле родника, а затем поднимется и уйдет. Уйдет для того, чтобы на следующую ночь снова встретиться со своим прошлым и опять побывать в деревне и знакомой тропкой спуститься к ветлам, что нависли над речкой, присесть рядом с ними и радоваться, слушая светлую чистую душу Колиного родника...

Михаил Смирнов. Башкорстан.

*Хочешь, чтобы тебя
оценили, - умри.*

Мое село

Средь природы чуткой,
Бедам всем назло,
На равнине русской
Выросло село.

Возвело радушно
Веры храм святой,
Наполняя душу
Светлою мечтой.

Жило-поживало
Праведным трудом.
Корни вглубь пускало –
С думой о простом.

Всласть гуляла свадьбы,
В дом несло тепло,
Молодым – отраду,
Старикам – поклон.

Поднимало деток,
Радовалось дню,
Уважало сметку,
Холила семью.

По грибы ходило
В добрый лес густой,
Напрягало жилы
На лугах косьюбой.

Сеяло, пахало
И растило скот,
Не страшась нимало
Тягот и забот.

На реке ловило
Окуня и щук
И – спешило к милым
Слушать сердца стук...

Владимир Лебедев.

ВСЯ ПРАВДА О КОЛОБКЕ

Белым и пушистым он никогда не был вовсе. Круглым и румяным – да, этого у него не отнять. Каким же образом старики наскребли его по сусекам? Подробности остались неизвестны, но сметану и масло точно использовали при его создании.

Достигнув определённого возраста, а именно нескольких дней – уже довольно значительного срока годности для таких хлебо-булочных изделий, за который иные из них успевали зачерстветь и покрыться плесенью, Колобок решительно выпрыгнул из окна и покатился по наклонной дорожке. Высота крохотного одноэтажного домишки и отсутствие у него пригодных для перелома конечностей сделали такой отчаянный поступок вполне безопасным. Главное – он больше не хотел служить утехой для бабки с дедом. Сухая бабуля давно лишилась приятных округлостей фигуры, ностальгически воплощённых теперь ею в Колобке. Отчасти подобное мыслилось ею последней попыткой заманить потерявшего к ней интерес одряхлевшего деда в давно позабытые ими прежние игры. Да не на того напала!

Дорожка та оказалась накатанной, несомненно, её использовали прежде часто и много раз. Это могло доказать правильность избранного Колобком направления, если бы не такое же продолжение за домом стариков в другую сторону. То есть бифуркация выбора его походила на бросание монетки, которой у него не было в помине, и возможность верного решения не превышала пятидесяти процентов. Бабка с Дедом бессовестно ему ввали, что он-де у них первый-единственный, любимый и неповторимый. Эти утверждения лишь помогали им утаивать своё истинное намерение съесть симпатягукругляша. Он узнал о том случайно из подслушанного разговора и понял, что испекшие его самодельные кулиныры вовсе ему не милые родители, даже не друзья, а скорее тщательно скрывавшие свои помыслы престарелые извращенцы. Мальчонка-то он получилась хоть куда: пухленькие щёчки и гладкая, почти масляная головушка без волос.

Словом, нисколько не сомневаясь в совершаемом поступке, вычеркнул он их разом из своей жизни после того, как избегнул уготованной ими для него незавидной участи.

Надо сказать, уже с первых дней жизни в Колобке проклюнулись бардовские способности. Очень он жалел, что у бабки с дедкой не имелось ни гуслей, ни балалайки, на которых он смог бы выучиться... Отсутствие струнных и ударных инструментов не помешало ему ещё до побега успешно испробовать деревянные ложки, задававшие чёткий ритм. А теперь свобода и лёгкая наклонная дорожка вдохновили его на немедленное сочинительство. В его круглой голове разом родилась весёлая песенка, точнее речитатив. Сам того не подозревая, он оказался сейчас нежданно для самого себя зачинателем Колобкового рэпа. Начальные строчки отразили недавние глубокие чувства, только что приобретённый первый жизненный опыт:

– Я по коробу скребён, на окошке остужён; я от дедушки ушёл, я от бабушки ушёл!
– Задорно выкрикивал он, безостановочно катясь под уклон.

Впрочем, дальше этих слов дело пока не пошло, не было у него ещё достаточного запаса впечатлений, собственных неповторимых переживаний. Он катился снова и снова, повторяя казавшиеся ему восхитительно ладными строчки, в которых смогла вместиться вся его короткая жизнь.

Дорожка оказалась не только покатой, но и довольно изогнутой, она коварно привела его прямо к наглому типу по кличке Зайчик-Побегайчик. Этот, с позволения сказать, Заяц самым бессовестным и наглым образом загромождал общественный проход. При том, хотя не выглядел слишком великим, но заметно превосходил размером самого Колобка. Миновать его с ходу никак не удалось.

Отзывавшееся ещё на кличку «Серые Уши» существо не придумало ничего более умного, как ляпнуть прямо в лоб притормозившему прохожему:

– Колобок, Колобок, я тебя съем!

Стараясь не проявить внешне своего замешательства, Колобок нарочито презрительно посмотрел на явно спятившее с голоду и без того неумное травоядное. Впрочем, никакого страха перед ним он не испытывал. Однако, чтобы усыпить бдительность докучливого наглеца, незамедлительно громко пропел свой авторский рэп с только что рождённым весьма обидным для зайца продолжением:

– Я от бабушки ушёл! Я от дедушки ушёл! От тебя, Ушастый, не мудрено уйти!

После чего внезапно сделал обманчивый финт, обогнул развесившего действительно длинные уши Побегайчика и стремглав, пока тот не опомнился, покатился дальше.

Ошеломлённый натиском шустрого кругляша заяц даже не сделал попытки преследовать.

Ещё целый ряд причин не позволил обладателю непропорциональных ушей преследовать аппетитного по виду незнакомца. Более серьёзная из них в виде грозы для всего заячьего народца - Волка - без сомнения поджидала в той стороне, куда направился круглый путешественник, в месте, где дорожка становилась почти чисто условной. И это Серые Уши всегда прекрасно помнили.

Тот лохматый житель чащи был известен среди Лесной братвы под кличкой Серый. Из чего могло создаться ложное представление, что такой цвет считался модным у местного народа, на самом же деле Волк выглядел гораздо более серым, чем Заяц, а остальные здешние предпочитали для себя вовсе другой окрас. Вопреки слухам, раздуваемым всяческой мелкотой, он не представлял собой беспредельщика и садиста и не испытывал ни малейшего удовольствия от мучений поедаемых при случае жертв. Всего-то лишь несчастный подневольный слуга собственного ненасытного желудка, обыкновенный лесной хищник. Но в эту пору долгое отсутствие пропитания совершенно помутило ему рассудок и превратило в настоящего монстра. Хотя лишённый мясной начинки Колобок явно выглядел не в его вкусе, он сразу решил взять добычу на испуг:

– Колобок, Колобок, я тебя съем! – и этот вслед за зайцем ничего более умного не придумал.

Колобок резко оборвал мало эстетичный для него голодный стон или утробное завывание незнакомца категоричным предупреждением:

– Не ешь меня, серый зверь! Лучше я тебе песенку спою!

И пока сбитый с толку волк пребывал в состоянии неожиданного ступора, поскольку никогда ещё не нарывался в лесу на самодеятельных круглых артистов, Колобок выдал залпом свой бодрый оптимистичный рэп:

– Я от бабушки ушёл! Я от дедушки ушёл! Я от Зайца ушёл! И от тебя, волчара, не мудрено уйти!..

Последние слова он выкрикнул, уже сквозанув мимо поражённого такой наглостью слушателя, и быстро покатился дальше по едва заметной тропе.

Вскоре он наткнулся на грозу здешних мест, давно прозванным в народе Прокурором. Стоит ли говорить, что бурый массивный увалень встретил его той же шаблонной, не им придуманной фразой. Колобок заподозрил даже, будто все тутошние обитатели страдают врождённым слабоумием, и кто-то ему не известный использует этот общий дефект, зомбирует их в своих корыстных целях.

И на этот раз своим нахрапистым речитативом наш странник усыпил бдительность зачарованного мохнатого громилы, изготовившегося на долгое слушание, чтобы прошмыгнуть у него между лап, прежде, чем тот успел прийти в себя.

По мере того, как дорожка превращалась в исчезающую тропинку, а лес вокруг становился всё гуще и дремучее, в нём зародилось сомнение в правильности изначально выбранного пути. Но в силу природного отсутствия умения признавать свои ошибки возвращаться назад он не собирался. Тем более, там остались малоприятные для него медведь волк и заяц, одурачить которых дважды может и не удастся. Да и не факт, что избери он сразу противоположное теперешнему направление, там не поджидало бы ещё больше желающих им закусить.

Исход последней встречи придал ещё большей уверенности в себе и без того самонадеянному Колобку, он бездумно продолжал свой отрыв от действительности, пока не налетел на новое препятствие. Теперь путь ему заступила неопасная с виду рыжая плутовка, далеко известная за пределами Леса своей хитростью и коварством. Но, разумеется, у Колобка не было до сих пор возможности ознакомиться с анкетой Лисы. К тому же, на свой звериный лад внешне она выглядела очень даже мило и симпатично. Невольно наш герой проникся неожиданным доверием: уж такая она показала пушистая и ласковая.

Да и завела незнакомка разговор совершенно не похожим на прямолинейных предшественников тоном, что несколько обескуражило круглого путника, не перестававшего на ходу подбирать новые строчки для своей припевки.

А молвила она вкрадчиво своим приятным неискренним голоском так:

– Куда бежишь, малыш Колобочек? Скажи-ка мне, мой дружочек, милый свет.

Никто никогда к нему так ещё не обращался – столь обходительно и проникновенно. И потому он с большой охотой снова отбарабанил свой заученный и дополненный после расставания с медведем текст, и, не видя угрозы, пока не торопился продолжить прерванный путь. Убаюканный медитативным напевом медвяного голоска хитрой бестии, он ошибочно вообразил, что на этот раз находится в полнейшей безопасности, а перед ним весьма интересная и совершенно безвредная зверушка женского полу.

Дальше для него последовало непредвиденное. Лукаво сославшись на нелады со слухом, Патрикеевна мило предложила взобраться прямо на её хитрую мордочку и повторить свой рэп с самого начала. Просьба выглядела настолько естественно и убедительно, что польщённый Колобок не смог отказать благодарной слушательнице. Ещё бы! Ведь она, в самом деле, захотела вживую услышать поближе столь на редкость талантливого сочинителя. Учитывая все обстоятельства, это нисколько не показалось странным наивному, ещё не имеющему достаточного жизненного опыта круглому простаку. Да и томные слова её, как и вся она сама, показались настолько сексуальными вконец размягнутому Колобку, что отказать ей оказалось никак не возможно.

Едва он успел повторить свою речёвку, запинаясь на этот раз от близости обаятельной чертовки, как та опять обратилась со смутившей его новой просьбой:

– Я почти ничего не расслышала, дружок, повтори-ка ещё разок, только присядь ко мне уже на язычок...

Его и без того круглая голова окончательно пошла кругом, теперь он и вовсе не нашёл сил отказать, а зря. Излишняя вежливость и недостаток полезного для таких случаев хамства окончательно решили его судьбу. Ну, а дальнейшее всем и так прекрасно известно с детства.

СЕРГЕЙ КРИВОРОТОВ

Женщинам-лингвисткам

Прошло каких-то тридцать лет –
И все внезапно вдруг прозрели.
И снова рвутся дать совет
Всё те же самые Емели.

Политологии спецы,
Меняя взгляды как салфетки,
Грохочут словно бубенцы,
Усеявшие теле-ветки.
Теснятся громкие слова,
Рождают новую реальность.
И оседают в головах,
Тесня сознание в зазеркальность.

Меняя смысл привычных слов,
Плодятся глупости подвиды.
Глубокомыслие ослов –
Беда, серьезнее ковида.

В. Румянцев.

Душой и сердцем педагоги,
Любимым языкам верны,
Творите этот мир, как Боги,
Неся романтику весны.

Что годы? Вы юны и милы,
Нас вдохновляя вновь и вновь.
Мужчине вы даете силы,
А человечеству – любовь.

В безверья час и в час сомнений
Храните вы души тепло,
Чувств половодье с упоением
Даря – ненастьям всем назло.

Звучит всегда пусть звуков Муза,
Изящных слов бежит строка
Во имя чудного союза
Весны, мечты и языка.

Владимир Лебедев

Старый мост

Обрастает травой старый каменный мост,
Сквозь асфальт пробивается ива
Молодая. В компании тонких берез,
Лебеды и колючей крапивы.

Через мост мы спешили когда-то гурьбой
К роднику -- в благодатное место,
А сегодня меня мост зовёт за собой
В беззаботное, доброе детство.

Овчинникова Марина.

Временный дар

- Замечательно, грандиозно! - выкрикивал главный редактор журнала «Стиховой», размахивая руками в попытке придать словам больший эффект. - Вы не представляете насколько талантливы!

Молодого человека - виновника переполоха в редакции, звали Тургенев Егор. Он не являлся родственником Ивана Сергеевича - всемирно известного классика, просто от предков досталась фамилия. Егор начал писать стихи недавно - после аварии на загородном шоссе. Областная пресса о данном инциденте много писала. В общих чертах дело происходило так - Егор ехал на старенькой «Волге» с работы, не справился с управлением и врезался в бензоколонку, ударился от столкновения о лобовое стекло и потерял сознание, когда очнулся - заправка полыхала, огонь вырывался из шлангов с горючим, поедая его любимую «Волгу». Слава Богу девушка-кассир с заправщиком успели оттащить Егора, находящегося в бессознательном состоянии, в берёзовую посадку, что находилась метрах в ста от заправочной станции. Вот, собственно, и вся история.

Скорая помощь доставила пострадавшего в городскую больницу, где медсестра провела первичный осмотр и направила на МРТ головного мозга. Томограф выявил черепно-мозговую травму закрытого типа лёгкой степени тяжести. Врач объяснил, что беспокоиться не стоит, прописал постельный режим и препараты для улучшения мозговых процессов. На работе проблем не возникло, начальник без лишних вопросов подписал больничный лист и выдал наличными небольшой аванс на лечение. Егор чувствовал себя нормально, правда немного подташнивало, но, после стакана апельсинового сока неприятные ощущения прошли. Он включил телевизор, посмотрел последние сводки из страны-побратима, переключил на канал, где идёт передача о потусторонних отношениях живых людей со всевозможными загробными сущностями и заснул.

Проснулся ранним утром от того, что солнечный луч, пробивающийся в щелочку между плотными атласными занавесками, интенсивно выжигал закрытый левый глаз, он повернул голову прямо и уставился в потолок, левый глаз плохо видел из-за настывшего и несвоевременного луча. Заснуть больше не получилось. Пришлось встать.

После выпитой чашки гранулированного кофе с сахаром по телу разлилась бодрость, сознание полностью отделалось от сонного притеснения, хотя доктор запретил употреблять спиртные и тонизирующие напитки, но его это не волновало, он чувствовал себя хорошо, а доктора насоветуют как всегда лишнего. Посмотрев в дверной проём из кухни в спальню, он заметил на журнальном столике кипу бумаг. «Что бы это могло быть? Интересно!» На белых листах его почерком был написан какой-то текст - это были стихи. Конечно он не являлся ценителем поэзии и тем более знатоком уровня «филолог», скорее был человеком интересующимся, изредка заходившим на литературные сайты почитать поэтические изыскания современных поэтов, также не пропускал возможности просмотреть в социальных сетях в новостной ленте попадавшие ироничные произведения по большей части о политике и несносной людской доле. Присев на край кровати Егор принялся читать. Четыре мелко исписанных листа повергли в шок, стихи были великолепные, завораживающие и проникающие в самые глубины души...

В прохладном помещении редакции журнала «Стиховой» прекратился шум рукоплеканий, главный редактор присел в уютное кресло, не отводя восхищённого взгляда от Егора. Прошло три года, как он впервые опубликовал творения талантливого молодого человека, его стихи, по мнению главного редактора и не только, являлись кладом метафор с отточенным до умопомрачения слогом и сильной рифмой! Потрясённые читатели отправляли по электронной почте положительные отзывы, кто-то из читателей по старинке отсылал бумажные письма со словами благодарности в адрес молодого литератора. Тираж журнала увеличился в пять раз! Да, гении рождаются не часто. Главный редактор гордился собой, потому что он первый заполучил это сокровище!

Егор не понимал, что с ним случилось, но позже выяснил - из-за аварии мозг начал работать иначе. Он установил дома видеокамеру и перед сном включал её на запись, утром пересматривал видео, на котором отчётливо видно, как он подходит к журнальному столику, достаёт с полки листы бумаги, берёт ручку и довольно долго пишет. Но, почему-то, абсолютно никаких воспоминаний о ночных похождениях не оставалось. В принципе, это не важно, только сейчас он превратился из незаметного менеджера среднего звена в настоящую персону, одарённую и пользующуюся спросом. Его приглашали на выставки известных художников почитать стихи (за хороший гоно-

рар), он принимал участие в съёмках на крупных федеральных каналах и ему предстояло заключить выгодный контракт с популярным и высокооплачиваемым музыкантом-исполнителем на написание песен...

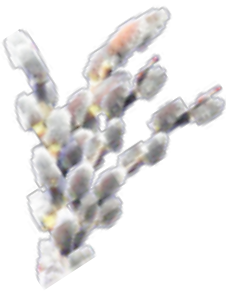
Однажды, проснувшись утром, Егор включил видеокамеру - посмотреть на «ночные прогулки», но на записи никаких «прогулок» не было, лишь он, тихо и мирно спящий на кровати. «Прогулки» прекратились совсем. Неоднократные попытки написать хотя бы строчку, выжать из себя небольшое произведение не приносили нужных результатов, голова не хотела думать, мозг сопротивлялся непомерным нагрузкам...

Лечащий врач подтвердил выздоровление - кровоснабжение мозга пришло в норму, небольшие последствия после аварии полностью исчезли. Егору пришлось вернуться на старое рабочее место менеджером, контракт с исполнителем был давно разорван, правда без каких-либо последствий, на выставки и литературные конференции его больше не звали, так как поэтический дар безвозвратно исчез.

Анатолий Арестов

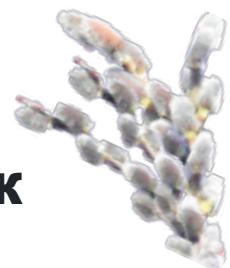

Родившийся ослом не умрёт лошадью.

СМИРЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Рассказ.

Смотритель при храме – должность, в общем-то, женская. Дел и делишек всяких – уйма! Надо подсвечники после службы протереть, воду для крещенской купели нагреть и принести, за порядком в храме следить. Хоть за чистотой, хоть за лихими людишками, норовящими что-нибудь спереть.

Времена менялись...

Храм наш стоял возле городского рынка и, бывало, подвергался набегам разных чудаков. Один прямо на середине вытряхнул полный ящик румяных яблок, видать, для пущей своей торговли. Другой чудачина бутылки с пивом по деревянному полу с грохотом кататься запустил, не иначе от алкоголизма надеясь отшатнуться. Третий – произносящего на солее ектению диакона по плечу хлопнул и пьяно поинтересовался: «А в ухо хошь?!». Но диакон был не робкого десятка и с достоинством отвечивал: «Отдачей не замучаешься?».

Бузотера незамедлительно и ловко «упаковал» наш новый смотритель Ваня, вытащил проветриться на улицу...

Ваня, крепкий мужичок за пятьдесят, прибил к храму на радость прочим бабушкам-смотрительницам, поселился бобылем в сторожке. Обходительный и вежливый с коллегами он не чурался всякой работенки – только седая его голова то тут, то там в храме мелькала. Лихоимцам с улицы надежный заслон был поставлен. Одного Ваня даже поймал с поличным – вывернул из-под полы сворованную икону. Огрел «экспроприатора» несильно по загривку и вытолкнул восвояси.

Допытывались у Вани – чей он да откуда? Только молчал упорно в ответ смотритель, лишь хмыкал в лохматые свои усы.

– Вот смиренный какой человек... – шамкали старушонки.

Тайна разрешилась в День Победы.

Ваня пришел на службу в парадной офицерской форме с орденами и медалями на груди. Прихожане взирали на сие «явление» с раскрытыми ртами, кто-то из старушонок робко поинтересовался:

– Где ты, Ваня, успел повоевать? Вроде еще и не старый...

Ваня, как всегда, немногословен:

– В Афгане. Дворец Амина брал.

После праздника Ваня вдруг пропал, никто из наших прихожан не повстречал его больше. Уехал, видно, куда-то. Туда, где его не знают.

свящ. Николай ТОЛСТИКОВ

Из цикла **ПРИХОДИНКИ**